

Валентин ПИКУН

ПСЫ ГОСПОДНИ

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Валентин Пикуль

Интервью, мысли, записи

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Интервью, мысли, записи / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,

Содержание

Сеть для времени	5
Как приходит тема?	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валентин Саввич Пикуль

Интервью, мысли, записи

Сеть для времени

(Интервью-размышление. Журнал «Трезвость и культура». 1986. № 2)

Давайте поговорим о времени!

Для начала, не удивляйтесь, внимательно посмотрим на одну примечательную картину...

Художник Сальвадор Дали назвал ее «Упорство памяти»... Огромное отпугивающее пространство. Здесь все словно застыло. На переднем плане оцепеневший ствол дерева, рядом валяется какая-то кость ископаемого животного. У линии горизонта – спокойное море и леденящие душу скалы. Все это исполнено талантливо и... отталкивающе.

Но вот что бросается в глаза: гигантские часы. Их несколько, и они разбросаны по всей картине. Исковерканные, сплюсненные, с рваными краями. Создается впечатление, что все часы тают, как куски льда. Но их стрелки показывают разное время. В левом углу – часы с закрытым циферблатом. На крышке какие-то странные насекомые. Аллегория картины более прозрачная, чем на других работах Дали. Жизнь на земле прекратилась. Изуродованные часы напоминают о том, что когда-то была жизнь. Когда-то было время. Сейчас все находится в стадии разрушения. Часы еще есть, но время остановилось.

Если задуматься всерьез, то время никогда прежде не занимало такого места в сознании человека, как сегодня. Мы встречаемся буквально на каждом шагу с человеком бегущим, спешащим, торопящимся. Каждый из них живет под знаком времени. Кто-то очень верно подметил: для того чтобы оставить эмблему нашей цивилизации, достаточно изобразить часовой циферблат с бегущей секундной стрелкой...

Что есть ВРЕМЯ?

Над разгадкой его ломали головы мыслители прошлого, схватывались в жарких спорах литераторы, скрещивались самые противоречивые направления философии и психологии. Вне вопроса о времени было трудно представить развитие человечества...

Непонятное тоже стоит знать. Музыка – ведь тоже абстракция, однако, слушая ее, мы порой плачем. Уличная реклама – абстракция, но иногда она вызывает восхищение. Театр, в конце концов, с его условными декорациями, – тоже абстракция, однако мы не возмущаемся этим. Очевидно, в каких-то зонах жизни абстракция попросту необходима. Как и время.

Но самое ценное, что даровано человеку, – это время. Когда закончилась война, у меня было всего пять классов образования. Надо было зарабатывать себе на хлеб. Я выбрал хлеб литературный. Хотел быть парашютистом, но для этого требовалось восемь классов. Мечтал стать машинистом, меня опять не взяли на курсы по той же причине. Я не иронизирую над своей судьбой: она действительно сложилась так, что мне деваться было некуда. Вы только не думайте, что в литературе меня ждали. Напротив, мне пришлось преодолеть огромные трудности, пока в 1956 году меня не приняли в Союз писателей. Но, и выпустив первую книгу, я понял, что жизнь будет трудной. Надо было доказывать свое право называться литератором. До 30 лет я учился самостоятельно. И вот сейчас, когда уже выпущено более двадцати книг, я признаюсь – своей работоспособностью я еще не удовлетворен...

Почему я все же стал писателем-историком?

«Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и построить будущее» – так рассуждал Максим Горький. Добавлю от себя, что история – инструмент острорежущий! Его лезвие

можно использовать и как спасительный скальпель, и как оружие, наносящее болезненные раны. Хочет того или не хочет исторический романист, но, садясь за рабочий стол, он уже волею обстоятельств вовлечен в борьбу. А это требует и сил и времени...

Морская служба помогла мне раз и навсегда обрести необходимую для прозаика потребность в самодисциплине, продолжительном напряжении. Сила воли помогает и в преодолении тех критических жизненных ситуаций, что не минули ни одного из нас. Вопреки всему иду, выражаясь морским термином, избранным курсом. Многие качества, в том числе и способность умело распоряжаться временем, я принес с флота. Многие мои товарищи ничего не пишут только потому, что не получили в юности фронтовой закваски и уступили то ли под натиском восторженных похвал или самоуспокоенности, то ли не смогли преодолеть неизбежных в труде литератора неудач.

Никто сейчас не отрицает один из способов образования – самообразование! Доверить образование самому человеку – значит признать в нем способность улучшить себя самого и сделать жизнь насыщенной и интересной. Я никогда не ждал, что кто-то придет ко мне и попытается сделать мою жизнь интересной. Я иногда удивляюсь людям, которые едут в дом отдыха только для того, чтобы повеселиться, надеясь, что их развеселит затейник. Правда, мне приходилось, и не раз, видеть группы подростков, которые совершенно не знают, что им делать и как быть? Они бесцельно стоят на улицах, в подворотнях, гогоча, задевая прохожих, бренча на гитарах, покуривая. Сперва они приноравливаются сбрасывать мелочевкой и покупать дешевое вино. Потом переходят на водку. Разве они могут ценить великую ценность жизни – время?! Я как-то подсчитал: допустим, в день они тратят попусту три часа. В месяц получается около четырех суток, а за год – пятьдесят...

Как-то я не выдержал, подошел к ним, сделал замечание. И что же? Попросили не распоряжаться их временем.

Кто-то из мудрецов сказал, что в юности время считается золотым, в зрелые годы – серебряным, в преклонном – свинцовым. Да, время неуловимо и неосязаемо...

Говорят, существует мнение, что человека можно вполне определить, зная, кем он был окружен в юности и как воспитан. С этим можно соглашаться, а можно и не соглашаться. Ведь вот мы, мальчишки, буквально водворенные на Соловки в школу юнг, были на самообслуживании: и стирали, и гладили, и строили, и учились. Все делали сами. И почти все стали хорошими людьми в жизни. Главное – быть увлеченным.

Мы живем в стране, имеющей книжные традиции. Я не понимаю тех людей, которые жалуются на отсутствие книг. Скорее, они не могут выбрать нужное. Признаюсь, не люблю иноземное слово «хобби». Я привык его заменять словом «увлечение». Такой человек, возвращаясь с работы, остается занятым, посвящая себя любимому делу. Сколько в жизни я наблюдал: коллекционеры – счастливейшие люди. Пусть один разводит кактусы, а другой разыскивает диковинные марки – всё благо! Такой человек, я твердо убежден, не будет жаловаться на то, что ему нечего делать и потому он выпивает.

Литература для меня – не увлечение. Это моя профессия. Но я еще имею кое-что и для души. Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне два увлечения: русскую генеалогию и русскую иконографию (не надо путать это слово с иконами. Это наука о портретах). Не будь у меня этих увлечений, мой литературный путь был бы обедненным...

Что я скажу по поводу различных человеческих характеров? Каждый должен оставаться самим собой. Наше общество не нуждается в нивелировании людей. Пусть все будут разными. И каждый должен быть на своем месте. И свои обязанности в обществе он должен свято выполнять. Я презираю в людях тщеславие, но высоко ценю в них честолюбие. Честолюбие – от слова «честь», а честь всегда ценилась и ценится высоко. Честь всегда определяла приверженность человека своему долгу – как индивидуальному, так и гражданскому. Мы говорим – это честный человек, значит, это человек, на которого всегда можно положиться.

Уважаю людей за трудолюбие. К сожалению, человек не всегда хочет работать, но в том-то и заслуга его, что, преодолевая себя, он подходит к станку, становится у штурвала, садится за стол. Следовательно, хочешь ты или не хочешь, но ты обязан трудиться. Вдохновенный и творческий труд, о котором у нас так много говорят, требует людей тоже одержимых...

Верно подмечено, что характерной чертой настоящего времени является обращение ко времени прошлому в той или иной форме. Почему это происходит? Идет поиск нравственных критериев. Возникает потребность отыскать истоки нравственных норм. Так ли это?

Думаю, что так. Генеалогические связи с предками и семейные традиции играют немаловажную роль в становлении характеров молодых поколений. Как у нас сейчас внук гордится славой своего деда, сражавшегося под Сталинградом, так же, скажем, юноша XVIII века знал, что его прадед сражался под Полтавой, а отец участвовал в штурме Измаила. Память о предках – главное и необходимое условие в воспитании духа патриотизма. В связи с этим мне бы хотелось сказать еще о таком человеческом качестве, как доверие. В былые времена щедрее оказывалось доверие юности. Сейчас у нас человек вступает в сознательную жизнь после двадцати лет и даже старше. А до этого находится на полном обеспечении родителей и государства.

К доверию надо тщательнее присмотреться и, быть может, оказывать его еще со школьной скамьи...

И последнее: я считаю, что хорошо налаженная семейная жизнь и добрые отношения внутри семьи – основа успеха в жизни, это блистательный стимул трудоспособности...

Как приходит тема?

(Интервью Е. Гуслярову – спецкору казахстанской газеты «Ленинская смена». 13.01.88)

ВОПРОС: Как к вам приходит тема? Есть ли такой толчок, после которого вы уже знаете – будет новая книга?

В.П. – Писатель, пишущий о современности, едет искать тему в колхоз или на завод, командировку ему оплачивают. Я, исторический романист, сижу дома, и тема приходит от изучения тех книг, тех материалов, за приобретение которых мне никогда и никто не платит, наоборот, я сам плачу немалые деньги. Например, мой гонорар за роман «У последней черты» не смог окупить тех средств, что я истратил на приобретение редчайших изданий о «распутинщине». Именно из освоения новых исторических материалов и рождается новая тема – новая книга...

ВОПРОС: У Пикуля нет пока подражателей. Может быть, это потому, что подражать вам трудно, поскольку нужна невероятная работоспособность? Особенно в той части, что вам каждое слово, вероятно, нужно подтвердить документом, преданием, историческим фактом?

В.П. – Вопрос о подражателях. О подражателях ничего сказать не могу, но сам я имею отличные образцы для подражания. Это – Александр Малышкин, который произвел на меня огромное впечатление, и я до сих пор по-доброму завидую его умению владеть языком.

Это Франсуа Рабле с его гиперболическими формами, близкими к гротеску.

Наконец, Салтыков-Щедрин с его умнейшей, глубокой сатирой, который в «Истории одного города» близок к формам Рабле. Люблю писателей-народников, особенно Г. Успенского с его прекрасной книгой «Нравы Растеряевой улицы». Люблю В. Шишкова с его точной подачей самого сложного исторического материала...

ВОПРОС: Странная вещь. Читатель уже давно относится с беззаветной преданностью к Пикуль, к каждому его произведению. А критика никак не может определить настоящее место писателя В. Пикуля в нашей литературе. Хотя можно вполне определенно сказать, что каждое произведение ваше влияет на формирование нынешнего читателя. Как вы сами относитесь к этому парадоксу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.